

ХАМСТВО: СУЩНОСТЬ, ТИПОЛОГИЯ И ОПАСНОСТИ

ФГБУ НИИ Физиологии СО РАМН, Новосибирск

Сделана попытка обобщения понятия «хамства» на широкий спектр девиантного поведения: от элементарной невежливости до пренебрежения правами человека со стороны государства. В основу концепции положен «категорический императив» И. Канта и категория «отчуждение».

Ключевые слова: хамство, девиантное поведение, системные ловушки

An attempt of generalization of the Russian notion “khamstvo” on the wide spectrum of the deviant behavior – from usual incivility to state-supressed individuality – is made. As the basis of the conception “categorical imperative” of I.Kant and the notion «estrangement» is used.

Keywords: “khamstvo”, deviant behavior, systemic trap

Введение Прошло более века с момента написания Д. С. Мережковским его знаменитого эссе о хамстве [1] – последнего, возможно, всплеска экзальтированности русской интеллигенции, которая больше всего на свете боялась европейского позитивизма и мещанства. При всём публицистическом блеске пророчества Мережковского, его историософия и метафизика сейчас представляют лишь исторический интерес. Что произошло, то произошло. Да, «грядущий хам» пришёл, но он и не мог не прийти – такова уж обратная сторона социального прогресса с его «восстанием масс» [2] и с неизбежным сдвигом к «рабству» социализма [3]. Гораздо актуальнее для нас то, что хамство (даже в обычном понимании) стало важным компонентом нашей среды обитания, влияющем, как и другие её компоненты, на нашу работоспособность, здоровье и продолжительность жизни. Хамство в более широком понимании претендует стать главным фактором саморазрушения общества и объектом пристального внимания экологии и биоэтики.

Сталкиваясь ежедневно с тем, что обычно – и не очень чётко – относят к «хамству», мы или игнорируем его, или более или менее симметрично реагируем на него, тем самым лишняя раз его воспроизводя. При этом мы не задумываемся особенно над границами хамства и его многообразием. Слово «хамство» используется, в основном, в среде высокообразованных людей, интуитивно оно кажется очень глубоким и содержательным, оно даже достаточно экспрессивно, но его реальное смысловое пространство не шире синонимичных «наглости», «грубости» и «нахальства», даже дополненных «безнаказанностью» [4]. На деле оно в последние десятилетия заметно сузилось. Мы даже не всегда догадываемся, что только что сделали что-то некорректно. Женщина, которая рвётся в подошедший автобус, не давая кому-то выйти, наверно и не догадывается, что это из той же категории. Если мужчину, бросившего пивную банку на газон, в чём-то упрекнуть, он, в лучшем случае, оправдывается отсутствием рядом урны. Для людей, выросших в СССР и постсоветской России, хамство повседневности усвоено настолько, что редко вызывает даже досаду – оно стало для нас чем-то вроде мутной воды для рыбы, которая в ней выросла и другой воды не знала.

Время лишь немного подправило предвидение Д.Мережковского, сняв с него апокалиптическую окраску. Признаками того, что «грядущий хам» уже пришёл следует, пожалуй, считать нашу адаптированность к нему, его вездесущее диффузное присутствие и в то же время «идеологическую ущербность» самой темы хамства. «Собачье сердце» М.Булгакова 60 лет было под запретом. Вместо реального фактора жизни и смерти, угрозы реальной бифуркации (развитие или деградация) налицо была лишь тема для кинокомедий, «Фитиля» и «Крокодила».

В постсоветской России слишком многое осталось от прежней идеологии – пусть даже в инвертированном виде. Многое, правда, и изменилось. О хамстве говорят и спорят писатели и деятели культуры, но хамы... популярны: их приглашают в шоу и в постоянные программы радио- и телекомпаний. В русском Интернете на «хамство» и «khamstvo» откликаются 2 млн сайтов и

документов (что говорит о некоторой озабоченности интеллигенции), но демонстрируют натуральное и завуалированное хамство уже не менее 100 млн страниц. Больше того, судя по культовости некоторых фильмов (вроде «Брат» и «Брат-2»), такого рода «особенности» стали чем-то вроде предмета национальной гордости.

Занимается ли этой проблемой социология, культурология, социальная психология – неясно. «Такие дисциплины, как социология личности, воспитания, морали, молодёжных субкультур и др., заставляют исследователей вольно или невольно соприкоснуться с темой хамства. При этом на самом феномене хамства внимание, как правило, почти не фиксируется» [5]. Прочитанная статья В.Бачинина касается теологического аспекта «девиантного поведения» – и это практически единственная работа, где используется ключевое слово «социология хамства».

В настоящей краткой статье автор попытался описательно расширить круг явлений, которые следует относить к хамству, дать хотя бы поверхностную классификацию его мотивов, а также подвести общую понятийную базу под всевозможные (и, на первый взгляд, имеющие мало общего) его проявления. В качестве такого общего основания для всех проявлений хамства наиболее естественными кажутся «категорический императив» Канта, понятие «среда обитания» и категория «отчуждение».

Немного о национальных особенностях Россия даёт совершенно уникальный – по объёму и разнообразию – материал для изучения девиантного поведения, но именно из-за того, что у нас хамят все, не исключая и президентов, этот материал неконтрастен и пропадает без применения. Мы начинаем понимать, в какой среде живём, только побывав несколько раз (а лучше – пожив немного) в странах старых культур и давно установившихся демократий. По существу, только у эмигрантов открываются глаза на российскую реальность, и тогда оказывается, что истинная причина бегства – «русское хамство» [6], и что «лучше формальная любезность, чем искреннее хамство» [7]. Сергей Довлатов писал: «Десять лет я живу в Америке, причём

не просто в Америке, а в безумном, дивном, ужасающем Нью-Йорке, и всё поражаюсь отсутствию хамства» [4]. Если вспомнить, какая армия идеологов в советское время была нацелена на «их нравы», то не покажется удивительным ни невнимание исследователей к доморощенному хамству, ни подпитывание довольно распространённого мифа о «духовной щедрости русских».

Подавляющее большинство россиян, если и знают это слово, то применяют его редко и в очень узком смысле. Хам у нас – это в лучшем случае тот, кто толкнул и не извинился, пролез без очереди, взял без разрешения, переставил забор на полметра в мою сторону... Очень многие не осознают и даже не замечают хамскую сущность многих тысяч других – своих и чужих – поступков, вроде плевка на лестнице, брошенной жевательной резинки, вывезенного в лес мусора, реплики типа «это ваши проблемы», курения в общественном месте, нежелания чуть потесниться или сдвинуть колени в автобусе ради удобства других. У нас на каждом шагу видишь автомобили, не пропускающие пешеходов на «зебре»; людей, толпящихся прямо перед дверьми вагона метро или автобуса и не дающих выйти из транспорта; собак, выгуливаемых где угодно и без поводка; военную технику, уродующую живую природу. Всё это – проявления хамства ни в чём себя не желающих ограничивать россиян. В этом отношении мы в определённой мере зеркальны по отношению к европейцам или американцам. Всё, что можно по определившейся выше индукции отнести к хамству, есть, конечно, и там. Но у них недоброжелательные, подозрительные и равнодушные к своей среде обитания люди – в меньшинстве, а у нас – в большинстве. То, что там маргинально, у нас модально, и наоборот. Типичному европейцу крайне некомфортно, если он причиняет неудобство другому; для типичного россиянина существенно только собственное удобство.

Удобство физическое дополняется удобством моральным: этическое содержание подавляющего большинства российских книг и фильмов или вообще не выражено, или извращено до такой степени, что выглядит комплиментарным: «Да, мы такие, и пусть нас остерегаются!». На этом фоне

исключением выглядят лишь фильмы Киры Муратовой и Андрея Звягинцева, в которых хамство лишено какого-либо налёта относительности. Между прочим, во многих голливудских фильмах – даже очень жёстких – этические моменты бросаются в глаза, как бы ни относиться к этому с точки зрения художественности.

Психолог В.Петрова (правда, сильно сужая понятие хамства), пишет: «В советские времена в принципе не могло появиться никаких эффективных систем защиты от хамства, поскольку сверху благословлялось право каждого человека вмешиваться в чужие дела, прикрываясь целью охраны социалистической нравственности»[8].

Политкорректность так и не стала для россиян привычным ограничителем, оставаясь объектом высокомерных насмешек, а нецензурная лексика приближается к границе дозволенности.

Приходится признать, что ни школа, ни семья, ни российское общество в целом никак не озабочено социализацией детей, то есть тем, что принято называть воспитанием. Основной шаблон – «не будь размазнёй и лохом». Нас, в лучшем случае, беспокоят кое-какие знания и деловые качества, обеспечивающие успешность, да идеологическое единство – залог управляемости – унаследованное от советского времени. Одна моя знакомая, дочь и сын которой учились уже в США, не без смущения рассказывала о том, как дети одёргивали её, если она на улице, скажем, пристально кого-нибудь рассматривала: «Мама, неприлично глядеть на человека более двух секунд – это в какой-то степени вторжение в его частную жизнь».

Немного типологии Мы не будем рассматривать отношения хамства с правом и законом. В одном из диспутов о хамстве на НТВ было заявлено под аплодисменты: допустимо всё, что не переступает черту закона. По существу, такие заявления оправдывают хамство и снимают проблему, поскольку законы структурируют лишь ничтожную долю возможных девиаций, да и то лишь номинально.

По направленности можно различать хамство в обычном смысле (то есть направленное на личность), вандализм (хамство, направленное на вещи и другие артефакты), идеологическое хамство (то есть направленное на идеи, верования, учения, ритуалы, обычаи), экологическое хамство и хамство по отношению к своему телу. По поводу двух последних: если современная этика уже уверенно включает в себя биоэтику [9] как защиту жизни и всего живого, то вполне логично и антиэтику расширить в сторону нашей внешней среды существования и в сторону физического субстрата нас самих как одушевлённых существ. О концептуальном основании такого обобщения речь пойдёт несколько ниже.

По способу выражения хамство занимает весь диапазон средств, которыми вообще располагает цивилизация – от экспрессивных (вроде «куда прёшь, козёл?!») до сравнительно утончённых (вроде белой ленты, принятой В.В.Путиным за презерватив); от простого жеста до сложной компьютерной программы; от лёгкого намёка до профессионально организованной подставы; от подожжённой сухой травы до затопленных в океане радиоактивных отходов.

Реальное хамство всегда многокомпонентно и многофакторно по своему происхождению, поэтому его мотивационная классификация может быть лишь очень условной.

Выделю лишь несколько типов, которые кажутся основными, хотя в реальности они всегда комбинируются и перекрываются:

- Наивное детское хамство, нецивилизованность. Это простейший его компонент, который часто так и не сглаживается до конца воспитанием. Оно сродни поведению животного, ориентированного на кратчайшее и скорейшее удовлетворение инстинктов: исследовательского, добывающего, оборонительного, любого из физиологических. К этому типу можно отнести необязательность, непредупредительность, бестактность, равнодушие к возможному беспокойству близких, невозвращение чужих вещей, если они явно не востребованы, ложь, навязчивость и т.п.

- Аффективное хамство

- Компенсационное хамство. Оно частично контролируется сознанием и связано с индивидуальными комплексами неполноценности или униженности, которые довольно характерны для подростков и, иногда, женщин.

- Рефлексивное хамство. Этот тип контролируем только в принципе, реально же представляет собой более или менее симметричный ответ на частную грубость или недоброжелательность или, во всяком случае, готовность к такому ответу. Этот компонент более других бросается в глаза, поскольку, кроме интерперсональной конфликтности, возникают стойкие межгрупповые антипатии: хамству полиции противостоит хамство граждан, хамству продавца – хамство покупателя, хамству автомобилистов – хамство пешеходов и т.д.

- Конформистский или «имиджевый» тип хамства. Это следование поведенческой моде – образу «современности», «крутости», сексуальности. Здесь – всем хорошо известные драные джинсы, мат, курение, пирсинг, граффити, рэп, шокирующая стрижка, татуировка, принадлежность к какой-нибудь фан-группе со всей её атрибутикой, марихуана и т.п.

- Креативно-провокационный тип. Он играет роль нарушителя спокойствия, разрушителя норм и даже законодателя новых. Это, возможно, единственный тип, играющий в обществе определённую позитивную роль. Как писал Ницше, стабильные сообщества склонны к отупению своих членов, и «интеллектуальный прогресс в подобных сообществах – дело индивидов более распущенных, более ненадёжных и морально менее стойких: это те люди, которые пробуют всё новое и вообще разнообразное» [10]. К.Лоренц [11] называл подобную девиацию «физиологической неофилией»

- Хамство охранительное и консервативное. Оно обычно связано с ограниченностью или фанатизмом.

- Хамство хорошо защищённых. Обычно предрасположены к нему обладающие властью, деньгами, большой физической силой, оружием и т.п.

- Специфическое хамство людей из самых низов общества, которые ничем не дорожат и живут сегодняшним днём

- «Сладострастное саморазрушение» (у Канта)
- Коллективное хамство правящей идеологии
- Кастовое хамство военных и тех, кто создаёт оружие
- Диффузное хамство неблагополучного общества – например, общества перманентного дефицита и ограничений свободы.

На последнем необходимо остановиться. Оно особенно характерно было для советского времени с его плановым хозяйством и тотальным контролем над умами, производством и потреблением. Ярмо иррационального государства и идеологии у людей, облечённых хоть какой-то властью или доступом к дефицитным ресурсам, компенсируется желанием извлечь для себя пользу или хотя бы отыграться на тех, кто стоит ниже на иерархической лестнице. У тех, кто в самом низу, это ярмо компенсируется желанием хоть в чем-то обмануть государство или хоть что-то украсть у него. Хамство государства компенсировалось, таким образом, диффузным хамством и коррумпированностью его граждан, поскольку почти у каждого были хоть какие-то связи и знакомства – в аптеке ли, в мебельном магазине ли, в райкоме или милиции, а дефицит неизбежно порождал жадность и недоброжелательность. Государственное хамство, разумеется, не исчезло в демократической России, но осмелюсь утверждать, что нынешнее корыстолюбие чиновников, о котором постоянно говорят, лишь слабая тень сквозной системной коррумпированности советского уклада.

Можно, конечно, выделить и профессиональные, или специфические, проявления хамства: хамство властной и финансовой элиты, хамство неуравновешенных политиков, хамство нуворишей, хамство титульных конфессий, хамство рекламы, хамство журналистов и писателей (оно сродни хамству вооружённых), хамство медиков (в частности, использование без надобности диагностических процедур «ради науки»), хамство футбольных фанатов, специфическое хамство блогеров и завсегдатаев всевозможных форумов. Когда-то я участвовал в общенаучных и философских форумах (тогда они назывались еще «новостными группами») и убедился, что без модератора

эти форумы превращаются в словесную поножовщину. Мало того, что многие самоутверждались бранью, радикализмом и нетерпимостью к инакомыслию – мне так и не удалось отучить участников от совершенно ужасной привычки комментировать каждую фразу оппонента вместо того, чтобы оценивать весь текст или его главную мысль. Заглядывая на зарубежные форумы той же тематики, я постоянно – по контрасту – поражался корректности и доброжелательности диспутантов.

Еще один специфический вид хамства имеет гендерный оттенок. Вероятно, многие замечали, что при всех пробелах в воспитании российских мужчин женщины выглядят ещё менее воспитанными: они реже благодарят, чаще не придерживают двери, не уступают взаимно, как принято, лыжню, считают должным для себя опередить даже пожилого мужчину при посадке в автобус, они, как правило, не готовы причинить себе даже незначительное неудобство ради удобства окружающих и пр. Впрочем, виноваты в этом частично сами мужчины с их лицемерием: они настолько убедили женщин в принадлежности к лучшей (или даже прекрасной) половине человечества, что те, похоже, поверили в свою привилегированность. Иногда даже радиожурналистки не избегают этого клише, что выглядит совсем уж неприлично. Доброжелательность или хотя бы улыбка возможны только по отношению к знакомым мужчинам. Кроме того, приходится отметить, что имиджевой заразе женщины подвержены больше мужчин. В обществах, где женщины привыкли считать себя равными мужчинам, этот тип менее выражен.

Общие черты При кажущейся разнородности этих поведенческих актов не может не возникнуть вопрос об их общей концептуальной основе. Основание для обобщений дают по крайней мере три их общих черты: 1) В них нарушается так называемый «*категорический императив*» Канта; 2) они неизменно содержат в себе элемент *отчуждения* и 3) они обязательно сопровождаются общим *ухудшением внешней среды*.

Этический императив Канта требует, чтобы при любых отношениях между людьми человек всегда рассматривался не как средство, а как цель, то есть

имелись бы в виду его интересы, благополучие, настроение, здоровье. Современная этика, учитывающая не только хрупкость личности, но также уязвимость популяций, биоценозов, биосферы и человечества в целом, требует расширения кантовского принципа. В XXI веке он должен звучать примерно так: *При всех взаимодействиях с людьми, материальной культурой, живой и неживой природой совершенно необходимо видеть в них не столько средства, сколько актуальные цели.* Указание на актуальность здесь не случайно: немало хамства и преступлений совершалось во имя утопий и счастья будущих поколений.

Следует заметить, что «средство» и «цель» в кантовской формулировке в какой-то мере являются метафорами, поскольку они несут этическую нагрузку, в отличие, например, от мертоновской аномии, где цель и средства этически нейтральны: положительная цель – это любой бизнес, а положительные средства – любые средства, не запрещённые законом. Таким образом, вся ответственность за последствия ложится на право.

Связь каждого вида девиантного поведения с расширенным категорическим императивом не во всех случаях очевидна. Наиболее очевидна эта связь, возможно, в случае плохо выполненной работы или в случае недобросовестной рекламы: здесь и сама работа, и её заказчик оказываются лишь средством пополнения кошелька. Менее очевидно, но совершенно оправданно применение ключевого понятия этой статьи к функционированию государства, жертвующего во имя идеологем вроде веры, свободы, равенства, интернационализма, целостности, национальной гордости, независимости и т.п. тысячами и миллионами жизней и уровнем жизни уцелевших в бойнях. Ф.Хайек, страстный борец с социалистическими принципами в экономике, писал: «... Будет торжественно заявлено, что главная цель планирования – превратить человека из средства в цель, но поскольку в процессе планирования в принципе невозможно учитывать склонности индивидов, конкретный человек более, чем когда-либо, будет выступать как средство, используемое властями для служения таким отвлечённым целям, как «всеобщее благо» или

«общественное благосостояние» [3]. С этой же точки зрения совершенно некорректно звучит максима (которую приписывают И.В.Мичурину): «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у неё – наша задача». Опять-таки с этой точки зрения хамством надо называть всё, что делается только ради саморекламы, престижа, сенсаций. Жёлтая журналистика, бесчисленные жёлтые страницы в Интернете, использующие людей и их самые нездоровые и низменные наклонности – безусловное хамство. С позиций цели и средства не вызывает, например, симпатий интерес к нижней половине тела у позднего В.Аксёнова или А.Гавалда, хотя можно понять и оправдать М.Уэльбека с его гораздо более экспрессивной эротикой: в первом случае – скорее, погоня за ускользающим интересом читающей публики, во втором – трагическая проблема, поднятая ещё Львом Толстым в «Крейцеровой сонате».

Неуважение к *своему* физическому телу и *своей* психике - как частный случай нарушения биоэтики и разрушения жизни – тоже надо рассматривать в том же ряду. Поэтому вполне правомерно относить к хамству курение, алкоголизм, наркоманию, малоподвижность, переедание – всё то, что уродует наши тела и нашу психику.

Сделанные выше обобщения помогают выделить две разные качественные стадии: *хамство равнодушия* и *хамство использования* – и подойти к проблеме *отчуждения*, как второй определяющей черте хамства. Хамство равнодушия – это доведенная до абсурда избирательность: вот это – *моё*: моя квартира, моя семья, моя работа, мои друзья. Остальное – *не моё* и меня не касается. К чему это приводит, показывает нам, например, Кира Муратова в «Мелодии для шарманки» – в потрясающем, хотя и несколько гротескном фильме о тотальном отчуждении. Хамство использования хорошо иллюстрирует фильм А.Звягинцева «Елена». Проблема отчуждения, конечно, не нова, но западное общество поставило её гораздо раньше и многого добилось, судя по отзывчивости на любую боль и развитости волонтерского движения – самого надёжного индикатора равнодушия и соучастия. Осколки советской идеологии, представлявшей отчуждение специфической болезнью буржуазного

мира, продолжают работать и в новой России: на фоне застарелого антиамериканизма и еврофобии доброжелательность легко предстаёт лицемерием, благотворительность – охотой за душами, волонтерство – злым умыслом. В добровольных работах в Германии участвует 34% населения и 70000 некоммерческих организаций [12]. Ничего похожего на это в России нет.

Номинально у всех у нас этот перечень *моего* как будто продолжается на дом, улицу, город, страну и даже планету, но скорость, с которой падает эта *причастность* по мере масштабирования, как раз и определяет уровень нашего хамства. Отчуждение – это ещё не использование, но оно даёт индульгенцию на использование. К сожалению, для типичного русского или россиянина *моё* заканчивается за порогом его дома и за стеклом его автомобиля. Всё остальное оказывается пространством для использования любыми средствами – развлечения, вымещения отрицательных эмоций, складирования умственного и материального мусора. Присвоение здесь оказывается вовсе не худшим вариантом. Такова программа обобщённого хамства. Право в какой-то мере защищает нас от хамства использования, относя некоторые его проявления к преступлениям, и почти не защищает нас от хамства безразличия.

А вот несколько иной аспект отчуждения – коллективный. Групповое единомыслие и сплочённость на почве общего «врага»; патриотизм как «последнее прибежище негодяя» и расчётливое невмешательство; ксенофобия и расизм; великодержавный шовинизм и иррациональный сепаратизм; педалирование религиозных догматов и «оскорблённых чувств верующих»; принцип «ядерного сдерживания» и защита так называемых «стратегических интересов государства»; антиамериканизм и антиглобализм; хроническое недоверие и живучесть «теорий заговора» – всё это частные проявления хамства отчуждения. В современном полносвязном мире они лежат за пределами всякой рациональности, а диапазон их следствий – от драк между футбольными фанатами и погромов до чудовищных материальных затрат и попыток истребления целых народов. «Буржуазный индивидуализм» – обычный объект нападков коллективистов – на деле оказывается несравненно

менее опасным для человечества из-за микромасштабов присутствующего в нём отчуждения. Политтехнологам следовало бы понимать, что когда молодёжную организацию называют «Наши», в само её название закладываются элементы отчуждения, провокационности и вражды. И здесь уже иные масштабы.

Насим Талеб [13] советует перед принятием решения проигрывать сценарии, чтобы очертить область далёких последствий. Мне запомнился – по контрасту с привычными представлениями о выборе – фильм Ван Сента «Умница Уилл Хантинг», котором есть такой эпизод: юному гению предлагают престижную работу в Агентстве национальной безопасности. Он на глазах изумлённой комиссии вслух просчитывает далёкие возможные последствия для человечества своей успешной работы «на благо родины» – и отказывается.

Что касается положения, что нормальную *среду обитания* (физическую, химическую, социальную, психологическую и физиологическую), а вместе с ней и условия человеческого существования подрывает любая разновидность хамства, то оно вряд ли требует иллюстраций.

Заключение Сделаю несколько оговорок. Основная цель статьи – расширение традиционного понятия хамства на хозяйственную деятельность человека, экологию и политику, то есть на все виды его индивидуальной и коллективной активности. При этом автор далёк от морализаторства и выдвижения каких-либо программ в области культуры, даже российской. Реальная деятельность человека невозможна без этических компромиссов. Обобщённый категорический императив – не утопическая программа, а всего лишь попытка выразить суть этического отношения к миру в терминах цели и средств. В реальности разделить цели и средства оказывается невозможным – так же, как и преодолеть отчуждение между нашим «я» и окружающим миром людей и вещей, живой и неживой природы. У человечества нет внешнего спонсора, и все свои средства оно должен находить вокруг себя, исключая их – на время или частично – из списка целей. Больше того, человек не может предвидеть далёкие результаты своей активности (то есть реальную цель, к

которой он приближается), а, с другой стороны, он не может выбирать далекую «праведную» цель и «вычислять» для неё адекватные средства, то есть не противоречащие гуманистическим принципам. Человек погружён в сверхсложный мир и поэтому обречён на «системные ловушки». Он вынужден решать только актуальные задачи и только подручными средствами, среди которых – люди, ресурсы, культурные шаблоны, наличные технологии и теории. Очевидно, что это расходится с общей биоэтикой. Отчуждение – возможно, самая главная или интегральная системная ловушка человечества, в которой традиционно понятое хамство – далеко не самая важная компонента. Иными словами, всё человечество – это тоже Хам, или, точнее, Метахам.

Литература:

1. Д.С.Мережковский «Грядущий хам» (в кн. «Больная Россия», ИЛУ, Ленинград, 1991, 13 – 45)
2. Х.Ортега-и-Гассет «Восстание масс». М.: 1991
3. Ф.А.фон Хайек «Дорога к рабству». М.: Новое издательство, 2005.
4. С.Довлатов Это непереваемое слово «хамство».
<http://www.sergeidovlatov.com/books/etoneper.html>
5. В.А.Бачинин Хам как девиантная личность.
<http://hpsy.ru/public/x5020.htm>
6. И.Телок Жизнь первая. Русское хамство.
<http://www.proza.ru/2011/03/17/25>
7. В.Аксёнов В поисках грустного бэби. Книга об Америке. М. 1991, стр.35
8. В.Петрова Как защититься от хамства. 7 простых правил
http://fictionbook.ru/author/vladinata_petrova/kak_zashititsya_ot_hamstva_7_prostiyh_pravil/read_online.html?page=1
9. Potter Van R. Bioethics: Bridge to the Future. Englwood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc., 1971.

10. Ф.Ницше Полное собрание сочинений в 13 т. М. Культурная революция. Т2. Человеческое, слишком человеческое. Стр.171-172
11. К.Лоренц Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. (В кн. К.Лоренц. Обратная сторона зеркала. М. Республика, 1998)
12. <http://www.jaba.ru/tag/волонтёрские> движения
13. Н.Талеб Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., КоЛибри, 2009